

Глава четвёртая

НИКОЛАЕВСКАЯ ЭПОХА **1837 – 1854 гг.**

1

1837 год — это трагическая дата гибели великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. К сожалению, «Журнал Министерства Народного Просвещения» не счёл нужным отметить это печальнейшее для российской культуры событие. И всё же мы не берёмся упрекнуть журнал в реакционности. Хотя и не можем объяснить, почему журнал обошёл молчанием смерть русского гения.

Что же ещё происходит в литературной жизни России? Одно из сообщений, опубликованных в десятой части журнала, касается нового издания. По Высочайшему Повелению «О дозволении Коллежскому ассессору Кукольникову издавать Художественную Газету» в литературном полку прибыло. Нестор Васильевич Кукольник (1809—1868) был ровесником и однокашником Гоголя по Нежинской гимназии высших наук, к тому же — знаменитым писателем, создавшим немало произведений в стихах и прозе. Кстати, на его стихи написано множество нестареющих до сих пор, стоящих в репертуарах современных певцов романсов и песен, например, «Сомнение» и «Жаворонок» М.И. Глинки. Друг Михаила Глинки и Карла Брюллола, он был колоритной

Шло время правления императора Николая I – властителя, у которого в нашей культуре были как гениальные защитники (Пушкин, Гоголь), так и не менее последовательные противники (Тютчев, Герцен). Для нашего журнала это была эпоха Гоголя и Сербиновича. Но начнём по порядку.

Н.В. Кукольник
Худ. К.П. Брюллов

*Романсы и песни,
написанные М.И. Глинкой
на стихи Н.В. Кукольника,
намного пережили создателей.
И поныне звучит:*

Между небом и землёй
Песня раздаётся.
Неисходною струёй
Громче, громче льётся.

«Жаворонок», 1840 г.

фигурой тогдашнего Петербурга, дерзко противопоставлявшей себя Пушкину. Что ещё вспоминается при упоминании Нестора Кукольника? «Попутная песня» — музыка того же Глинки, а стихи Кукольника. Помните?

Дым столбом — кипит, дымится
Пароход...
Пестрота, разгул, волненье,
Ожиданье, нетерпенье...
Веселится и ликует наш народ.
И быстрее, шибче воли,
Поезд мчится в чистом поле.

Каждый из нас не раз слышал эту песню в великолепном исполнении Краснознамённого хора имени Александрова — вот только у Кукольника припев звучал несколько иначе:

Дым столбом — кипит, дымится
Пароход...
Пестрота, разгул, волненье,
Ожиданье, нетерпенье...
Православный веселится
Наш народ.
И быстрее, шибче воли,
Поезд мчится в чистом поле.

«Православный народ» был изъят из текста ещё в двадцатые годы XX века. Так до сих пор и поём, коверкая оригинал. А ведь эта песня повествует об одном из самых знаменательных событий николаевской России — пуске железной дороги, соединившей в 1840 году Петербург и Царское Село. И народ тогда действительно ликовавал и веселился. Кукольник вообще был вдохновенным певцом всех побед России того времени. В этом смысле поэзия Нестора Васильевича может интересовать нас и как исторический документ. Верноподданнические настроения поэта с особенной полнотой выразились в стихотворной драме «Рука Всевышнего Отечество спасла», рассказывающей о воцарении на Руси первого Романова — Михаила Фёдоровича. Премьера состоялась в Александринском театре 15 января 1834 года, в присутствии самого императора. Государь благосклонно отреагировал на представление — и пригласил Н.В. Кукольника на аудиенцию в Зимний дворец. В частной беседе император похвалил поэта за усердие и высказал несколько замечаний, показавшихся Кукольнику уместными. Литературную деятельность Кукольника не без оснований сравнивали с идеологическими установками Уварова. Да, Кукольник был охранителем николаевского времени, последовательным сторонником сильной монархической власти. Пьесы Кукольника воспевают рыцарскую преданность поданных своему царю. Ложно-величавым романтизмом окрестил стиль Кукольника И.С. Тургенев. Но всё-таки поэзия Кукольника была закономерным явлением, необходимым для формирования государственной идеологии. Умер Нестор Васильевич в 1868 году в Таганроге, в отставке и забвении.

2

В двенадцатой части журнала появляется статья Королевско-Прусского административного и медицинского советника Лоринзера «О сохранении здоровья в школах». Актуальность её и в наше время сомнений не вызывает. Характерны уже первые слова статьи:

«Одним из первых и важнейших предметов попечений Правительства в отношении к общественному здравью есть, без сомнения, целесообразное телесное развитие юношества, особенно в Школах, <...> которые, несмотря на многократные опыты и изменения, в них предпринимаемые, столь отделились от врачебных надзоров и до того пренебрегли Гигиеною, что теперь кажется вовсе не излишним с медицинской точки зрения рассмотреть, каким образом развиваются юные души и тела в большей части Немецких Гимназий».

Лоринзер цитирует почётного члена Петербургской АН К.В. Гуфеланда (1762–1836), автора труда «Искусство продлить человеческую жизнь»:

«Никогда человечество не находилось на такой странной точке физической жизни, на какой оно находится ныне. Дело в том, что физические силы более и более уменьшаются, а духовность получает значительный перевес. Но здесь можно ожидать опасного явления. Если телесное расслабление будет идти дальше, не заменяясь никакими новыми силами, то такое утончение тела породит наконец какие-то тени, или нечто среднее между телом и духом; оно, умножая в одно и то же время разрушительность и разрушающие силы, ускоряет через то погибель. Ясно, что мы находимся на этом пути. Только новая сила духа, почерпнутая из божественного источника, только чистое сердце, водворяющее простоту и нравственность, могут породить новый источник жизни в умирающей массе, а через то без сомнения возродятся в природе новая жизнь, чистота, свежесть и сила».

И далее в статье:

«Один английский врач (может быть, в припадке сплина) с важностью утверждал, что вследствие распространяющейся между людьми цивилизации и утонченности через несколько столетий они все обратятся в слабоумных, бешеных и больных, если здоровые семейства не перестанут соединяться с такими, кои предрасположены к душевным и телесным болезням».

Но автор тут же сам себе возражает, заявляя, что

«...род человеческий в физическом отношении был всегда одинаков, и жалобы на увеличение испорченности и болезненности столь же стары, как и само человечество, и по этим причинам не имеют никакой важности. Высокий же перевес духа, замечаемый в наше время, вовсе не вредит здоровью; и если теперь образованные народы стараются блага, приобретённые просвещением и наукою, защитить от невежества, то этого поистине нельзя признавать знаком недостатка физических сил, но скорее должно признаваться за доказательство духовного превосходства. <...> Чаще и громче слышатся жалобы, что умственное образование в Гимназиях вовсе не уравнено с телесным, и что поэтому часто то или другое страдает тайною, медленною болезнью, которая, повреждая жизненную силу в самом её корне, портит зерно здоровья. <...> Новооткрытые сокровища земли, изобретение многих новых разрушительных средств, употребление в дело магнитной стрелки, столь неожиданно усовершенствованные средства духовного сообщения, новое направление всех Искусств и Наук, промышленность со своими необозримыми к роскоши и удобствам служащими выдумками,

ВСЕОБЩЕЕ ВВЕДЕНИЕ НОВЫХ ПИТАТЕЛЬНЫХ И РАЗДРАЖАЮЩИХ ВЕЩЕСТВ (ГОРЯЧЕЕ ВИНО, ЧАЙ, КОФЕ, ТАБАК, КАРТОФЕЛЬ И ПР.), ВОЗРАСТАЮЩАЯ СТРАСТЬ К НАСЛАЖДЕНИЯМ И УДОВОЛЬСТВИЯМ, СТРАСТЬ К РЕВОЛЮЦИЯМ И СО ВСЕМИ ЕЁ СЛЕДСТВИЯМ — ВСЁ ЭТО ВМЕСТЕ СОДЕЙСТВОВАЛО К ТОМУ, ЧТОБЫ ДАТЬ ЖИЗНИ НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ И ФОРМУ».

Не правда ли, звучит удивительно современно, а написано-то 160 лет тому назад!

Затем автор много места отводит описанию болезней, которые мучают вступившие на путь цивилизации народы:

«Всякого рода нервные болезни, так называемые простуды, золотуха, Английская болезнь, лёгочная чахотка, воспаления в мозгу, помешательство и страсть к самоубийству. <...> Теперь встречается ипохондрия и между простолюдными, а жёны их иногда страдают припадками, которые до сего времени почитали принадлежностью слабонервных и чувствительных дам».

Автор продолжает:

«Ещё за тридцать или за пятьдесят лет перед этим гимназическое обучение было ограничено не многими предметами; нынче же эти предметы не только преподаются в большем объёме, но к ним присоединены ещё и многие другие. В Саксонии прежде ученик был занят в неделю 25 часов, а в Южной Германии только от 20 до 22 часов (автор сам имел счастье учиться в подобных заведениях); а нынче число учебных часов в неделю почти удвоилось; и если присоединить к тому частные уроки, получаемые некоторыми из учеников, то более, нежели удвоилось. Посему большая часть учеников в Германии должна сидеть на скамье от 32 до 42 часов каждую неделю, а вне класса прилежнейшие из них едва имеют столько времени, чтобы изготовить требуемые от них домашние задачи, и часто удаётся замечать, что именно прилежнейшие бывают наиболее подвержены болезням. <...> ученик всё более и более отчуждается от Природы и семейства и проводит всю жизнь в Школе и книгах. Напротив, того, кто в юности не так много выучивал из книг, тот не легко забывает приобретённое; душевные силы его сохраняют большую свежесть, можно сказать, юность; его суждения и характер полнее и ранее образуются в действительной жизни, и если он, как человек, ниже других в познаниях, то вообще богаче опытом, здравым человеческим умом, живым участием к тому, что он знает, и стремлением к тому, что ещё ему неизвестно. Мы часто с удивлением видим, что молодые люди, считавшиеся лучшими учениками, без всякого участия смотрят на важнейшие события жизни; мы удивляемся душевному их расслаблению, отсутствию самостоятельности во мнениях, ложному или недостаточному суждению о предметах, доступных для каждого здравого ума».

Подобными же рассуждениями автор заполняет ещё несколько страниц журнала, в противоречии с Фаустовым тщеславным заявлением: «Я ревностно занимался Науками, и хотя уже много знаю, но хотел бы и всё знать». Очень перекликается с нашим временем риторический вопрос Лоринзера: «Кто теперь помнит строгое запрещение молодым людям слишком много читать без отдыха, особенно в ночное время?»

Каждый из нас может вспомнить себя и своих сверстников в детстве, по ночам и на уроках зачитывавшихся Жюлем Верном. Замените ныне «чтение без отдыха» на компьютер и Интернет, и сюжеты, меж которыми пролегло 150 лет, окажутся до боли похожими.

Видно, что Лоринзер беспокоится о юности и искренне переживает, что «сильные и цветущие дети в несколько лет иногда увядают, подобно растениям, лишённым теплоты и света; а всего яснее видна печать болезненности в высших классах: там реже встречаются здоровые лица,

и бледность щёк, слабость глаз, неразвязность, староумные мины изгоняют свежесть, живость и непринуждённость».

Затем следует длиннейший пассаж о болезнях внутренних органов, о застое крови и других болезнях бедных детей, утомлённых чтением и писаниной в неестественных позах. Такое напряжение ведёт к затруднению дыхания и к... чахотке.

С большой горечью Лоринзер пишет, что учёба «с глазами обходится без всякой пощады. С тех пор, как существуют Школы, никогда близорукость между молодыми людьми не была столь обыкновенным явлением, как ныне; и употребление очков год от году всё увеличивается, особенно в высших классах. Старались найти тому причину в малости формата и мелкой печати учебных книг, и отчасти не без основания, ибо часто такие книги служат самым вредным порошком для глаз».

И наконец, из всего написанного (а статья получилась весьма пространной!) автор делает незамысловатые выводы:

«1) вообще в Школах с здоровьем учеников обходятся гораздо хуже, нежели то бывало когда-либо; 2) нынешняя метода обучения чрезвычайно способствует развитию и проявлению болезненности; 3) при этой системе весьма трудно и почти невозможно достигнуть нормального крепкого развития тела. <...> ИТАК, ВРЕМЯ НАШИМ НАСТАВНИКАМ И ПЕДАГОГАМ ПОДУМАТЬ О ТОМ, ЧТО НЕ ПОРА ЛИ УПРОСТИТЬ УЧЕБНЫЕ ПЛАНЫ НАШИХ ГИМНАЗИЙ И УМЕНЬШИТЬ В НИХ ЧИСЛО УЧЕБНЫХ ЧАСОВ. <...> ТОГДА ВМЕСТЕ С УМОМ ВЫИГРАЛО БЫ И ТЕЛО, И ЧЕРЕЗ ТО УЛУЧШИЛОСЬ БЫ ЗДОРОВЬЕ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ».

Как бы в ответ на подобные статьи появляются министерские распоряжения, например, такое, как «О введении в Благородных при Первой Киевской Гимназии Пансионах преподавания Гимнастики».

В те годы педагоги всерьёз задумывались о культуре тела. Но не забывали и о высокой словесности.

В тринадцатой части обращают на себя внимание: заключительная, третья статья трактата ординарного профессора Университета Св. Владимира — Михаила Максимовича «Песнь о полку Игореве»; редакционная статья «О начале Христианства в России»; две статьи выдающегося историка литературы, поэта и академика Петербургской Академии наук Степана Петровича Шевырёва (1806—1864) — «О первоначальной поэзии древнего Рима до влияния Греческого» и «Мармонтель и Лагарп, или критика во Франции» и др. Здесь, несомненно, чувствуется влияние на содержание журнала министра просвещения Сергея Семёновича Уварова (1786—1855). О графе Уварове мы подробнее расскажем в следующей главе, но и сейчас не обойтись без беглого портрета этой незаурядной личности.

Будучи официальным проводником просвещения, он и в действительности разбирался в различных науках и в литературе. Уваров состоял членом литературного кружка «Арзамас», водил дружбу с Карамзиным, Батюшковым и Жуковским, был постоянно окружён профессорами и литераторами, имел обширные научно-литературные связи за границей. Он был в приятельских отношениях с Гумбольдом, вёл знакомство с Гёте, де Линь, госпожой Сталь.

Император Николай I стремился построить такую систему народного образования и воспитания, которая не оставляла бы никаких возможностей для революционных устремлений молодёжи, он поставил своей целью создать охранительное направление в просвещении. Полностью разделяя эти задачи монарха, Уваров должен был пересмотреть многие либеральные взгляды, присущие ему в молодости. Понимая степень своей ответственности за воспитание будущего поколения, Сергей Семёнович стремился к тому, чтобы уберечь его от революционных потрясений, характерных для Европы того времени. Он говорил:

«Мы живём среди бурь и волнений политических. Народы изменяют свой быт, обновляются, волнуются, идут вперёд... Но Россия ещё юна, девственна и не должна вкушать, по крайней мере теперь ещё, сих кровавых тревог. Надобно продлить её юность и тем временем воспитать её. Вот моя политическая система».

Перефразируя известный военный девиз на полях сражения «За Веру, Царя и Отечество», Уваров выдвинул свою, ставшую знаменитой формулу-действие: «Православие. Самодержавие. Народность».

Сущность этой триады С.С. Уваров раскрыл в письме к Николаю I от 19 ноября 1833 года. Вот несколько отрывков из него:

«Посреди всеобщего падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, не взирая на повсеместное распространение разрушительных начал, Россия, к счастью, сохранила доселе тёплую веру к некоторым религиозным, моральным и политическим понятиям, ей исключительно принадлежащим. В сих понятиях, в сих священных остатках её народности находится и весь залог будущего её жребия... Успеем ли мы включить их в систему общего образования, которая соединила бы выгоды нашего времени с преданиями прошедшего и надеждами будущего? Как учредить у нас народное воспитание, соответствующее нашему порядку вещей и не чуждое европейского духа? По какому правилу следует действовать в отношении к европейскому просвещению, к европейским идеям, без коих мы не можем уже обойтись, но которые без искусного обуздания их грозят нам неминуемой гибелью? <...> Таковых начал, без коих Россия не может благоденствовать, усиливаться, жить — имеем мы три главных: 1) Православная Вера. 2) Самодержавие. 3) Народность.

Без любви к *Вере* предков народ, как и частный человек, должны погибнуть: ослабить в них веру, то же самое, что лишить их крови и вырвать сердце... *Самодержавие* представляет главное условие политического существования России в настоящем её виде... Наряду с сими двумя национальными началами находится и третье, не менее важное, не менее сильное: *Народность*. Дабы Трон и Церковь оставались в их могуществе, должно поддерживать и чувство Народности, их связующее... Относительно Народности всё затруднение заключается в приглашении древних и новых понятий; но Народность не состоит в том, чтобы идти назад или останавливаться; она не требует неподвижности в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, перемещает наружный вид по мере возраста: черты изменяются с годами, но физиономия изменяться не должна. <...> К составу общей системы Народного Просвещения принадлежит много других предметов, как-то: направление, данное Отечественной Литературе, периодическим сочинениям, театральным произведениям; влияние иностранных книг; покровительство, оказываемое искусствам...»

Очевидно, что главный редактор журнала Сербинович был единомышленником министра и поэтому он печатал такие произведения, как «Взгляд Платона на Науку Философию»; «Состояние Литературы в Турции с начала XIX столетия»; «О вновь открытых грамотах Новгородских Святителей XVI века»; «Несколько слов о образованности древних Славян»; «Славянские Литераторы»; «Хранилища славянских древностей»; «Римское право в Средние века по Савиньи»; «Древние следы Христианства в Африке»; «Историческое разыскание о сожжении Александрийской Библиотеки»; «История Арифметики»; «Библиотеки монастырей Афонской горы»; «Новые открытия древностей в Греции»; «Спасо-Андроников монастырь» (сочинение Н. Иванчина-Писарева); «Первое путешествие Англичан в Россию»; «Открытие Царского кургана близ Керчи»; «Словарь достопамятных людей Русской земли, составленный Дмитрием Бантишем-Каменским», знаменитым нашим историком и археографом (1788—1850); «Объяснение портрета Императора Петра Великого в старинной одежде»; «Иван Иванович Шувалов, основатель Московского Университета и Русский Меценат» (автор Иван Снегирёв); «О двойных звёздах, исследованных в Дерптской Обсерватории с 1824 по 1837 год» (автор — астроном, геодезист, а также основатель и первый директор Пулковской обсерватории академик Василий Яковлевич Струве (1793—1864)). Всё это сделало журнал не только славой народного образования, но и славой русской культуры в целом.

До тех пор учёные нечасто писали по-русски: языком науки считалась латынь, в крайнем случае — немецкий, французский, английский. В журнале Сербиновича и Уварова на родном языке утверждала себя русская наука.

Но на царской службе требовалось и другое. На Министерстве народного просвещения лежало бремя возглавлять и саму цензуру. Поэтому в журнале полным-полно рескриптов и документов на этот счёт: «Об усилении С.-Петербургского Ценсурного Комитета»; «Об учреждении в Киеве Ценсурного Комитета»; «О назначении при Канцелярии Главного Управления Ценсуры Секретаря»; «Правила надзора за Частными Учебными Заведениями в г. Варшаве»; «Об установлении штрафа за открытие в Царстве Польском Частных Учебных Заведений без дозволения Начальства»; «О передаче в Императорскую Публичную Библиотеку иностранных запрещённых книг, кои не будут своевременно вывезены обратно за границу» и т.п.

Чёткое соблюдение принципа сословности в образовании требовало от чиновников публиковать в журнале такие указы: «О точном и повсеместном соблюдении Правил касательно приёма в Учебные Заведения людей различных состояний»; «О дозволении находящимся при Досмотрщиках и Присяжных Кяхтинской Таможни, сыновьям их Кантонистам обучаться в Троицко-Савском Приходском Училище»; «О дозволении принимать в Пансион при Астраханской Гимназии детей купцов первых двух гильдий и Почётных Граждан»; «О принятии в Сибирские Гимназии из сословия Казачьего войска только детей Чиновников».

В сфере внимания летописцев неизменно пребывала царская семья. Журнал даёт такие, например, сообщения: «О посещении Государем Императором Учебных Заведений С.-Петербургского, Белорусского, Киевского и Одесского Учебных Округов, а кроме этого, Закавказского Края и Харьковского Округа»; «О посещении Государем Цесаревичем (Александром II. — В.Ч., А.З.) Учебных Заведений Тобольской, Казанской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской, Воронежской, Тульской, Калужской, Московской, Владимирской, Нижегородской, Рязанской и Курской Губерний да ещё Киева и его Учебных Заведений»; «О посещении Великой Княгиней Еленой Павловной (сестрой Николая I — В.Ч., А.З.) Татарского Училища в Симферополе»; «О обозрении Г. Министром Народного Просвещения разных Учебных Заведений». И всё это только в 1837 году.

В последнем номере этого года были опубликованы сведения о народонаселении России в 1836 году, собранные Министерством финансов: по всей империи (в неё тогда не входили Средняя Азия и часть Закавказья) насчитали более 61 миллиона человек.

В.Я. Струве

Пользуясь этим отчётом, сделаем краткий обзор состава народонаселения «во владениях, подвластных Всероссийскому Скипетру».

Духовенства		Сельских жителей	
Грекороссийского, Священно-служителей штатных и заштатных, Церковно-служителей и сторожей, детей и женщин	503 805	Крестьян имений собственных Его Императорского Величества и Высочайших Особ Императорского Дома, Удельных, ведомства Кабинета Его Императорского Величества, Гоф-Интендантской конторы, Кремлёвской Экспедиции и иных Государственных всех наименований	21 463 993
Униатского	15 141	Крестьяне имений владельческих	22 362 595
Католического	2497	Кочующих	
Армянского	817	Калмык, Киргиз, Магометан в Кавказской Области	507 697
Лютеранского	1958	По Закавказским владениям	
Реформатского	88	В Грузии, Имеретии, Гурии, Дагестанских провинциях, Армянской Области, Ахалцкском Патальке, Мингрелии, Абхазии, Ханствах: Кузюкумыкском и Мехтулинском примерно	1 368 297
Магометанских Мулл	13 921	В Царстве Польском	4 188 222
Лам	150	В Великом Княжестве Финляндском	1 372 122
Дворян		В колониях	61 053
Наследственных	538 160	Российско-Американской компании	61 053
Личных и Обер-Офицерских детей	153 195	Итого:	59 133 568
Приказнослужителей, разночинцев и отставных солдат	424 490		
Имеющих отношение к военной службе			
Регулярного военного поселения			
Казачьих войск	1 932 165		
Жителей по ревизии при городах числящихся			
Купцов всех трёх гильдий, в том числе и почётных граждан	252 061		
Мещан и цеховых	2 774 415		
Граждан Западных Губерний	14 521		
Нежинских Греков, Тульских оружейников и пр.	21 822		
Городских обывателей в Бессарабии	114 081		

«Как в сем числе не заключаются нижние воинские служители регулярных войск и флотов, равно бессрочно отпущенные с их жёнами и детьми, а также звания, не подлежащие ревизии и особенно в Закавказском крае, приняты может быть не со всею надлежащею верностью, то всё народонаселение можно предполагать в 61 миллион.

Сверх того число Горских народов, обитающих между морями Чёрным и Каспийским, простирается до 1 445 000 жителей.

Число Киргизов, состоящих в российском подданстве, но за линиями Оренбургскою и Сибирскою живущих, равно и Двояданцев, с точностью неизвестно».

3

Н.И. Лобачевский

**Отрывок из работы
Н.И. Лобачевского
«Полное затмение
Солнца в Пензе»**

«Полное солнечное затмение по справедливости называться может явлением примечательным и редким. Если кому довелось видеть его раз в своей жизни, то, конечно, в другой уже не случится, разве захотелось бы пересечь для того весьма большое расстояние. Это мнение не должно казаться преувеличенным, если прибавим к тому необходимость условия, чтобы небо для места наблюдения было безоблачным. Вот почему полное солнечное затмение почитается не во всех ещё подробностях до сих пор исследованным. В особенности Физики слышат удовлетворительные ответы на многие вопросы: например, относительно охлаждения в воздухе, теплоты солнечных лучей, постепенного омрачения, света прямого, отражённого, погиби (изгиба. — В.Ч., А.З.) лучей вокруг лунной поверхности. Астроном дорожит свои-

Очень заметен интерес журнала к истории России и русского языка. В развитии этих направлений состояла насущная потребность просвещения — и просветительский журнал работал активно. В каждом выпуске встречаем материалы на эти темы, например, такие: «Два первые вторжения Руссов в Византию» — статья профессора Крузе; «Разорение города Углича в 1611 году» — статья учителя Ф. Кисселя; «Извлечения из Краледворской Рукописи, касательно религиозных верований и обрядов» и «Обозрение главных черт сродства звуков в наречиях Славянских» — статья знаменитого филолога-слависта Измаила Ивановича Срезневского (1812–1880); «Очерк первого периода Истории России»; «Православие — источник спасения Отечества»; «Курганы и остатки древних укреплений в Рязанской Губернии»; «Открытие памятника Императрице Екатерине II в Екатеринославе»; «Нечто о Византийских Историках и о переводе их на Русский язык»; «Следы азиатизма в Слове о полку Игореве» и «К Истории Чингис-Хана» — профессора Казанского Университета Эрдмана; «Древняя Русская Торговля» и «Князь Андрей Юрьевич Боголюбский» — выдающегося историка, писателя, журналиста, издателя Михаила Петровича Погодина (1800–1875), который был, пожалуй, самым плодовитым автором журнала при Николае Первом.

В 30-е и 40-е годы XIX столетия в Казанском университете учреждаются кафедры китайского и санскритского языков, а в Казанской гимназии вводится преподавание армянского языка. Появляются первые сообщения о введении преподавания английского языка.

26 июня 1842 года происходит солнечное затмение на территории России. Журнал откликается статьёй экстраординарного профессора С.-Петербургского университета, в будущем академика, Алексея Николаевича Савича (1811–1883) «Известия о любопытных явлениях, замеченных в разных местах Европы во время полного солнечного затмения 1842 года». Но этого мало, и в 1843 году журнал отводит 31 страницу (около двух авторских листов!) для отчёта ординарного профессора Казанского университета Николая Ивановича Лобачевского (1792–1856) «Полное затмение Солнца в Пензе».

После этого блестящего журналистского вступления следовал отчёт учёного-корифея о виденном, измеренном в сравнении с данными восьми затмений: 1567, 1598, 1605, 1706, 1715, 1724, 1778 и 1807 годов. Лобачевский предстаёт здесь перед нами как тонкий и глубокий знаток физики и астрономии и, в частности, теории света. Не только эти, но и предыдущие его наблюдения — за прохождением Венеры по диску Солнца, за кометами Энке и Галлея, за Солнцем и его атмосферой (короной), за краешком диска Луны и её поверхностью, а также измерения температур и освещённости различных объектов на Земле открывают нам учёного первой величины. Всё это поразительно, тем более, что многие его теоретические изыскания, в частности, гениальная Неевклидова геометрия были обнародованы за 7 лет до затмения Солнца, наблюдаемого в Пензе.

Николая Ивановича очень интересовало явление искривления лучей света, которое в данном случае нельзя объяснить законом преломления света при прохождении разных по плотности сред. Лобачевский глубок и свободен в своих суждениях и, как мы знаем, именно его идеи лежат в фундаменте общей теории относительности, появившейся спустя 70 лет после его открытий. И отметим, что всё это написано прекрасным пушкинским языком! Это уже не язык Ломоносова или Карамзина.

4

В 1844 году журнал, отступая от своих правил, печатает «Известие о смерти и погребении И.А. Крылова (1768–1844). Великий баснописец при жизни получил лавры классика русской литературы.

В 49-м томе журнала за 1846 год находим статью историка Павла Савельева «О торговле Волжских Булгар в IX и X веке». Это 19 страниц насыщенного фактами текста о том, как арабские и другие южные купцы приходили в древний город, который находился в 123 верстах к Югу от Казани, и как товары и монеты с юга распространялись до Новгорода и Великих Лук, а наши льсы и песцовые меха, а также многое другое уплывали в Персию, Бухару, Хорезм и другие страны Халифата. Река Волга называлась тогда Ра, Рау. Арабские монеты на Руси собирали и хранили в качестве «запасного капитала гражданина Новагорода времён Ярополка или Владимира. Самое осязаемое доказательство, что уже в X веке были капиталисты на Севере Руси!» — так заключает статью П. Савельев.

В 1848 году в журнале появляются Высочайшие Повеления об уставе, штате и расписании учебных предметов Архангельского училища для образования девиц, а затем и информация об открытии Мариинской девичьей школы в Тобольске. Впрочем, подобные сообщения встречались и несколько ранее.

Нововведением номера стало: «Отделение VII. «Новости и смесь. Указатель замечательнейших открытий по Математическим, Физическим и Естественным Наукам», разбитый на разделы: Математика, Астрономия, Механика, Физика, Химия, Металлургия, Гальванопластика, Технология, Зоология, Ботаника, Минералогия, Геология, Физиология, Палеонтология. И в каждом из них есть что-нибудь интересное, например, «Цветное фотографическое изображение солнечного спектра» (1848 год). Или — «Оплодотворение без участия самца» (1849 год).

К 61 тому идут «Библиографические прибавления № II». Они сделались регулярными и очень популярными. Важны они

ми наблюдениями над встречей двух главных для нас светил на небе, которых пути до тех пор исследовал он отдельно. Наконец, любопытно для каждого видеть, как отсутствием света внезапно среди дня бывает поражено в чувствах своих всё то, что живёт одушевлённое в Природе».

«...» Академик Струве поручил быть главным в этой экспедиции Астроному-Наблюдателю Ляпунову, и к нему присоединились Профессор Физики Кнорр и я, желая воспользоваться таким случаем для наблюдений физических и чтобы удовлетворить собственному любопытству», — продолжает Лобачевский. Пензенское полное затмение Солнца, которое он описывает, длилось почти три минуты: «На месте дневного светила, когда последний его луч исчез, появился тёмный круг, как бы само Солнце, но уже чёрное, на бледном небе. В трепетном ожидании чего-то неизвестного, с торопливым желанием всё видеть, с опасением что-нибудь не заметить, стояли мы, зрители, среди призраков во мраке, с обращённым взором к потухшему Солнцу, — как обворожённые, постигнутые страхом и беспокойством, вдохновенные чувством возвышенным и торжественным. С этим душевным волнением так трудно было внимательно наблюдать и замеченное сохранить в памяти, что, возвратившись домой, мы находили нужным в разговоре нашем друг друга поверять, так ли и то ли мы все видели.

Полное затмение поражает сильно всех животных. Птиц оно тревожит в особенности: из лесу поднялись с криком стаи галок и грачей, взвились в воздух и потом опять спустились на деревья. Перед нами невдалеке паслось стадо, специально сюда пригнанное. За криком птиц вскоре послышалось мычание коров и блеяние овец, которые все пустились бежать по дороге домой. На Пензенской торговой площади, где продолжалась ярмонка, собралось много народа. Рассказывали, что затмение вначале произвело в народе толки и беспокойство; но когда Солнце совсем закрылось, то послышались голоса: «Ах, что-то делается дома? ах, пойти было домой!» С мыслью о преставлении света люди пали на колена, с воплем и молитвой ожидая над собой Страшного суда.

Но первый проскользнувший луч Солнца прогнал и мрак в Природе, и страх в сердце людей. Переход от темноты к свету казался разительнее, чем от света к темноте. В помрачении сохранялась какая-то постепенность до последнего мгновения, тогда как первый вырвавшийся луч из-за Луны вдруг переменял ночь в день, чёрная завеса вдруг упала.

Когда затмение закончилось, Г. Губернатор Панчулидзе, который был всё время с нами близ нашей полевой обсерватории, подозвал к себе крестьян. На вопрос, что они думали, они отвечали: «Ничего не думали, но мы перепугались».

и для современных читателей. Где ещё найдёшь информацию о том, какие книги издавались тогда в России и Царстве Польском?

Среди тематических разделов есть такие: «Азбуки, Пособия к изучению языков, Книги для дошкольного чтения, Словесность, Романы и Повести, Богословие, История, Филология древне-классическая и Восточная, Математические Науки, Естественные Науки, География, Статистика и Политическая Экономия, Сельское Хозяйство и Технология, Медицина, Смесь, Еврейские книги».

Нечасто, но журнал публикует всё же статьи на темы педагогики, например, «О повиновении в деле воспитания». В 72-й части напечатана статья знаменитого педагога, одного из организаторов женского образования в России Николая Алексеевича Вышнеградского (1821–1872) «Задачи педагогики как науки и способы их решения».

В 1852 году на страницах журнала впервые появляется имя великого филолога академика Якова Карловича Грота (1812–1893) и его статья «О некоторых особенностях в системе звуков Русского языка». Не забудем, что именно Грот установил нормы русского правописания, сохранявшиеся вплоть до конца 1918 года, а его «Русское правописание», изданное впервые в 1835 году, в 1916 году вышло уже 22-м изданием!

В 1852 году кресло министра просвещения занимал уже князь Платон Александрович Ширинский-Шихматов. Граф Уваров, прослужив в Министерстве в общей сложности 18 лет, не выдержал напряжения и в 1849 году ушёл в отставку. Его обвинили... в неспособности сдерживать и искоренить в учебных заведениях якобинство. И это в то время, когда Европу до основания потрясли революционные бури 1848–1849 годов!

В конце лета 1853 года началась неудачная для России Крымская война — с коалицией Великобритании, Франции, Турции и Сардинии. Россия подверглась нападению не только в бассейне Чёрного моря, но и на Балтике, в Белом море, на Камчатке. И на это, разумеется, — своими публикациями — реагировал журнал. К середине пятидесятых годов XIX века «Журнал Министерства Народного Просвещения» стал феноменом русской журналистики, авторитетным изданием, привлекавшим на свои страницы и лучших наших литераторов, и государственных деятелей. Но если определить тогдашнее значение журнала в двух словах, то можно сказать просто: он был главной трибуной просвещения. Имена Гоголя и Лобачевского — авторов журнала — говорят уже сами за себя.

Я.К. Грот

М.П. Погодин

